

ВЕРНОСТЬ

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ во время недавних гастролей театра в Москве. Она была свободна в тот вечер, хотелось побыть одной, собраться с мыслями. Вдруг телефонный звонок. Уже готова была ответить по привычке: «Цилинского нет дома. Он занят в спектакле» (нелегко, право, быть женой популярного артиста), но голос в трубке был настойчив:

— Мне нужны именно вы, Велта Лине. Я не задержу вас. Прошу только одну минутку внимания.

Женщина говорила взволнованно:

— Вчера я смотрела ваших «Дачников». Шестнадцать лет назад, еще студенткой, я видела вас впервые. И поверила вашему искусству. Теперь мне хотелось прозвонить себя: с годами, знаете, многие увлечения тускнеют. Я не понимаю по-латышски. И нарочно не пользовалась наушниками: мне казалось, что они отдалят меня от вас. И вот я убедилась: вы остались верны себе. Спасибо вам за это! Ваша Варвара Михайловна... Мне трудно объяснить это словами. Но в вашей игре есть нечто такое, что просто необходимо человеку, что очищает душу.

...Актриса сидела долго, держа в руке телефонную трубку. И под монотонный ритм отбоя думала о себе.

В ПЕРВЫЕ попала она в Москву еще совсем юной, делавшей лишь первые шаги в искусстве. Пришла во МХАТ. В то время она еще не знала русского

языка. Борис Добронравов играл царя Федора. И перед ее глазами стоял человек — тяжело страдающий. Нет ничего страшнее трагедии человека, неспособного бороться за свое счастье...

После спектакля вместе со своим режиссером Верой Михайловной Балюной ей удалось побывать за кулисами. И она незаметно отщипнула кусочек доски от гримировочного стола Добронравова. Это, может, несколько сентиментально, но это было. Ей нужно бы-

ОЧЕРК

ло сохранить вещественное доказательство того, что произошло с ней в тот вечер. И она сохранила эту шершавую щепочку на всю жизнь. Как талисман.

Она стала известной артисткой театра и кино. Дважды лауреат Государственной премии СССР, народная артистка Латвийской ССР, она побывала во многих городах и весях. Дважды избирали ее депутатом Верховного Совета республики, депутатом городского Совета. Она неизменный член партбюро театра, неоднократно входила в состав Октябрьского райкома партии латвийской столицы. У нее множество связей — и общественных, и личных. Двенадцать фильмов и свыше восьмидесяти театральных ролей.

Ей повезло — она училась у такого крупного художника, каким был режиссер А. Амтман-Бриедит. Ей не раз приходилось встречаться с мастерами русской советской сцены — и в праздничной обстановке, и в самой будничной, репетиционной. Ее личная сценическая биография неразрывно связана с послевоенной биографией Академического театра драмы им. А. Упита, у колыбели которого стояли мхатовцы.

Под счастливой звездой родилась эта девчонка из рижского рабочего предместья Гринькална, дочь потомственного токаря, внучка «красного Язеп» — участника мятежных событий 1905 года. Ее талант затерялся бы, наверное, если бы юность ее не совпала с приходом на латышскую землю новых времен.

В детстве она любила танцевать. Ей и сейчас иногда кажется, что лучше всего человек может выразить себя в пластике, в музыкальных ритмах. А стала драматической артисткой. Одной из самых популярных в Латвии, широко известной и за ее пределами.

БЕГУТ годы. Сложнее и глубже становится мир человека. Острее схватывается новое со старым. Коммунист в театре — это «высокая должность». Сколько надо знать, перечувствовать, чтобы не только воспевать человеческую красоту, но и защищать ее, строить!

Тема сопротивления, тема верности человека своей мечте, тема «выпрямления» согнутых и даже, кажется, сложенных судеб — вот что стало ее ведущей темой в искусстве. Романтический оптимизм, возвышенная, благородная любовь к человеку, умение распознать и высветлить его природную красоту — вот что стало ее оружием.

Тяга — сперва интуитивная, а потом осознанная — к новому, светлому миру человеческих отношений, жажда активных действий в борьбе за этот мир привлекли ее в образе Маши («Кремлевские куранты» Н. Погодина). Она играла батрачку Лиенё («Земля зеленая» по роману А. Упита), девушку из недавнего прошлого своего народа. Судьбу ее героини, задавленной нищетой, добровольно отдавшей любимого богатой невесте, соединившей жизнь с жадным, мелочным, омерзительным стариком, чтобы только иметь крышу над головой, — такую судьбу можно было трактовать по-разному. Можно было «любоваться» страданиями, смаковать быт, играть «несчастенькое», поруганное, но чистенькое создание. Артистка избрала другой путь. Ее Лиенё не сдаётся, не покоряется даже в самые страшные минуты несчастья. Она играет гордую и светлую Лиене. И от нее исходит незримый импульс, помогающий обездоленным жить, дышать свободнее, чувствовать себя людьми.

ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ее работ в кино — роль Матери в фильме «Клав — сын Мартина». Она наполнила этот образ (написанный, в сущности, несколько схематично, прямолинейно) ем-

ким социально-психологическим смыслом. Она разгадала и воссоздала на экране целую биографию. Простой, бесхитростной, но безгранично честной труженицы — колхозного бригадира современной Латвии. Из тех, что если уж верит, то до конца. Если уж верен, то до смерти.

И, наконец, ее Варвара в «Дачниках». Кажется, что это синтез философских и художественских исканий, длившихся много лет. Это кульминация ее главной темы — темы страстного ниспровержения праздности, приспособленчества, лицемерия, ханжества, компромисса. Темы верности высокому идеалу, мечте. В спектакле этого театра Варвара принимает на себя главный смысл и художественный акцент. Именно Варвара—Лине придает спектаклю современное, публицистическое звучание.

С самой первой сцены она выделяется своей удивительной нравственной красотой, своей «нерастворимостью» в мире лицемерия и неправды. Она жадно ищет выхода из этого затхлого мира, где все ложно. И, наконец, романтически-возвышенная, страстная и утверждающая интонация: «Идите к нам!» — это последний аккорд спектакля. Он звучит, как призыв к служению народу, как обет верности, как гражданское кредо художника, счастливого тем, что осознал, нашел свое место в жизни.

Она умеет многое сказать немногими, но самыми главными словами. В каждой ее роли есть одна реплика, которая становится для нее (и для зрителей) философской и эмоциональной кульминацией.

Можно многое забыть, но эту фразу, глубочайший подтекст, стоящий за интонацией артистки, забыть невозможно.

Самое трудное для артиста, как известно, сыграть так, чтобы мысль напрямую «транспортировалась» через рампу, чтобы боль артиста становилась болью зрителя. Велта Лине владеет этим искусством в совершенстве.

О СЕНЬ. Они идут, все трое — Велта, Гунар и четырнадцатилетний Айгар — по осеннему лесу. Под ногами шуршит пожелтый бурый лист. Кругом тишина. Они молчат. Они умеют вместе молчать и слушать лесную тишину.

— Осень — это грустно, — говорит, наконец, Гунар. — Осень — это умирание.

— Нет! — решительно машет головой Велта. — Нет!

Осень — это когда земля, отдавшая все свои соки, отдыхает, накапливает новые силы. Осень — это пора оценок и раздумий. Трампин для нового взлета.

Она не сказала этого. Но Гунар именно так понял ее. И улыбнулся. Они давно уже привыкли понимать друг друга без слов...

Что основное, определяющее в облике Велты Лине? И в ее характере актрисы, и в ее искусстве главное — верность. Верность мечте. Верность долгу. Она, эта верность, как гранит, отточенный морем. Ради нее стоит жить. И это, очевидно, и есть то самое «нечто», которое очищает человека.

Ольга МАКАРОВА.

РИГА.